

УДК 821.161.1.09(Иличевский А.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ГСНТИ 17.07.21

Код ВАК 10.01.01

Н. А. Томилова
Москва, Россия

N. A. Tomilova
Moscow, Russia

**СОЦИАЛЬНО-ДУХОВНЫЙ ПОИСК ГЕРОЯ
НА СЛОМЕ ЭПОХ**
(на материале

**SOCIAL-SPIRITUAL SEARCH FOR THE HERO
AT THE TURN OF THE EPOCH**
(on the basis

романа А. Иличевского «Матисс»)

of the novel “Matiss” by A. Ilychevsky)

Аннотация. Основное содержание исследования составляет анализ романа А. Иличевского «Матисс». Идет об одном из значимых исторических событий второй половины XX в. — распаде СССР. Предпринимается попытка оценить судьбу людей, переживших времена исторических перемен. Значительное внимание уделено нравственному выбору главного героя, который он делает вопреки социальным и моральным стереотипам времени.

Abstract. The research is based on the analysis of the novel “Matiss” by A. Ilychevsky. It is about one of the crucial periods in history of the second half of the XXth century – collapse of the Soviet Union. An attempt is undertaken to estimate the fate of people who lived through the times of historical changes. Much attention is paid to the moral choice of the main character, which is made against social and moral stereotypes of that time.

Ключевые слова: А. Иличевский; государство; личность; нравственность; распад СССР; современная литература; социум; социальные ценности; эволюция; эскапизм.

Key words: A. Ilychevsky; state; personality; morality; collapse of the USSR; modern literature; socium; social values; evolution; escapism.

Сведения об авторе: Томилова Надежда Анатольевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики.

About the author: Tomilova Nadezhda Anatolievna, Post-graduate Student of the Chair of Russian and Foreign Literature and Methods of Teaching.

Место работы: Московский гуманитарный педагогический институт.

Place of employment: Moscow Humanitarian Pedagogical Institute.

Контактная информация: 127051, г. Москва, ул. Садовая-Самотечная, д. 8.
e-mail: denisova09@mail.ru.

Поэт, эссеист и прозаик А. Иличевский в последние годы регулярно выходит в финал разных литературных премий и конкурсов. Роман «Матисс» в 2007 г. получил российскую Букеровскую премию. В нем автор изображает одно из значительных исторических событий второй половины XX в. — распад СССР. Автор размышляет о судьбе поколения, пережившего распад СССР в двадцатилетнем возрасте, и о судьбе постсоветской России. В интервью радио «Свобода» Иличевский назвал свой роман попыткой оценить, что произошло с его поколением за пятнадцать лет, прошедших с распада Союза. Оказалось, что время это было «просажено», хотя автор признает и заслуги своего поколения: *...существенная часть того малого лучшего, что сделано в стране, — сделано руками именно его поколения* [Иличевский 2008: 105]. Роман «Матисс» актуален, потому что пришла пора осмыслить события 1990-х гг., сделать выводы и решить, как жить дальше. СССР распался, прежний человек умер, но «нового человека создано не было», и время словно остановилось между больше не существующим прошлым и еще не существующим будущим [Litkritik 2010].

Сюжет романа «Матисс» разворачивается в форме путешествия. Перед нами три

судьбы: главного персонажа Королева и его спутников — бомжей Вади и Нади, — биографии которых в какой-то точке повествования пересекаются и до финала развиваются вместе.

Главный герой по собственной воле становится бомжем, намеренно бежит от социума, усилием воли избавляется от пресловутой «цели в жизни», «освобождается от бессмыслицы труда» [Иличевский 2008: 261], идет в направлении, противоположном привычному и «нормальному» — не к дому, а от него (буквально: он выбрасывает ключ от квартиры в реку, подальше от соблазна) [Шафранская 2008: 38].

В романе Иличевский стремится решить проблему модификации социокультурной идентичности и идеологии в переломные эпохи истории, когда трансформируются фундаментальные ценности.

Автор исследует, как ход кардинальной перестройки оказал влияние на антропологический портрет «постсоветского человека», в частности показывает, как главный герой романа, Леонид Королев, решает свою судьбу, соотнося ее с требованием времени.

Королев пытается осмыслить истинное положение общества, исторический катаклизм, в который ввергнута страна: *...все*

это мелкие черточки, все это ничтожно по сравнению с тем трагическим замыслом, что незримо овладел верхними слоями и нынче спускается в видимые нижние. Да — слишком просто, чтобы быть правдой. Ага, ага, снова получается, что если бы не Бог, я б давно уж удавился. И все-таки, как это неподъемно сложно. Тут словно бы — как ни просто — упираешься в ответственность самосознания. Здесь нет и духа скорби — куда подевалась империя, и все такое. Не в материальной составляющей дело, а в том, что незримая природа Родины терпит фиаско раз за разом... Речь идет не об умалении царственных функций, а простых человеческих [Иличевский 2008: 237]. Королев думает: ...осмысление завершенности истории, это ощущение... Знаете, есть представления об ангелах-хранителях государств, империй. Так вот, это ощущение взмаха крыла при взлете... [Иличевский 2008: 237].

Иличевский передает события октября 1993 г., которые стали трагической страницей в российской истории: *В начале октября что-то случилось, танки подъехали к Белому Дому, забегали люди с автоматами, на набережной выстроились в ряд машины „скорой помощи“, толпа высыпала к мосту. <...> ...Танки стреляли, окна Дома дымилась, повсюду виднелись оранжевые цистерны поливальных машин, выставленных в качестве заграждения. То и дело тархтели автоматные очереди, и вся густая россыпь людей, как пленка жира на бульоне, шарахалась к подворотням большого углового дома, к реке, на набережную. <...> Волнообразные всполохи толпы доносили невидимый источник паники. Находясь внутри, Вадя вместе со всеми заражался страхом в чистом виде, — невидимость источника обескураживала, жестокая легкость носилась над площадью, рекой, городом [Иличевский 2008: 51—53].*

Начало 90-х гг. XX в. породило свою мифологию, которая тиражировалась в повседневности в форме «страшилок», полных хаоса и беспредела, по-бахтински — перевёртышами: «остепененные» работники НИИ становились грузчиками и расклейщиками объявлений, а жулики органично встраивались во властные структуры. Все эти метаморфозы случились и в жизни Королева. Событий в судьбе героя так много, что хватило бы не на одну биографию. Но все их объединяет вызревающее на глазах читателя стремление *уйти* — из дома, города, социума, от людей [Шафранская 2008: 38].

Вследствие распада советского государства в душах людей поселяется страх, страх

от непонимания происходящего, страх за новое будущее России.

Автор подробно описывает настроения людей, царившие в то время: *Ежедневный страх стоял прозрачно по глазам, страх вокруг стыл студнем, дрожа зыбкой, густой безвоздушной массой. Люди... боялись остро, беспокойно. <...> Боялись... конкретного быта, конкретных гаишников, конкретного хамства, конкретного надругательства, вторжения [Иличевский 2008: 105].*

А. Иличевский показывает, как с развалом Советского Союза и возникновением новых независимых государств народные массы были вынуждены заново отвечать на вопрос: «Кто я такой?» Герой романа ищет ответы на главные вопросы бытия — смысла и назначения человека, жизни и вселенной: *Его путанные бредни частью сводились к распознаванию себя: человек он или машина? Вот сама по себе риторическая структура всех его метаний как раз этим и занималась, обращаясь к нему самому с пыткой дознания: кто ты? мертвый или живой? обманутый или выброшенный? Где твоя Родина? Что грядет? [Иличевский 2008: 240]. „Кто ты?“ — „Где ты?“ — „Каков твой интеллект: искусственный, естественный?“ — „Как ты предпочитаешь назвать завтра: вчера? пустота?“ — „Не пугайся — если ты умрешь, ничего не произойдет“ [Иличевский 2008: 145].*

Намеченный стабильный путь советского инженера-физика Леонида Королева рушится. Королева пугает все: *Пустота впереди, пустота под ногами, память о будущем у общества — и тем более власти: меры ноль [Иличевский 2008: 106].* Эта пустота, по мнению автора, пришла на место прежних идеалов: *Долго Королев основывал содержательность своего существования на приверженности научно-естественной осознанности мироздания. Само наличие математики и теоретической физики было для него доказательством незрешности бытия [Иличевский 2008: 146].*

По мнению автора, этические вопросы во времена исторических событий еще больше усугубляются. Государство забывает о нравственности и утрачивает осознание высшего смысла в назначении человека: *...Королеву становилось страшно, что в том-то и суть: тьма общего положения основывалась тем, что даже краткое увеличение дохода ни на что не могло повлиять. Ничего не могло принести избавления от рабства, не говоря уже о рабстве метафизическом: благосостояние не возбудило в себе отклика, оно оставалось глухо к усилиям. Следовательно, не могло воз-*

никнуть стимула к улучшению ситуации, общество вязло в тупике, ни о каком среднем классе речи быть не могло, следовательно, вокруг царствовало не что иное, как рабство [Иличевский 2008: 198—199]. Герой Иличевского осознает свое бессилие и понимает, что ничего не может сделать: *Ничего нельзя было поправить в нравственном хламе, поглотившем жизнь. Ничего нельзя было поделать с дебрями колючей проволоки прошлого, полонившего однообразное будущее* [Иличевский 2008: 198].

В связи с этим всплывают в памяти «вечные вопросы»: личность и свобода, человек и государство, которые поднимал в своей политической философии крупнейший русский философ XX в. Н. А. Бердяев. Его называли «русским Гегелем XX века», «одним из величайших философов и пророков нашего времени», «одним из универсальных людей XX века». Тема государства у Бердяева переплетена с проблемами человека, свободы, добра, зла и нравственности. Он полагал, что свобода, права личности — основополагающие ценности жизни — даются ему свыше. Эти абсолютные идеи имеют внечеловеческий и внеисторический религиозный характер. Выше человека может стоять только Бог, лишь христианские ценности (и только они) могут гарантировать свободу личности. Идею государства Бердяев тесно связывал с религией. Он был убежден, что происхождение государства не объяснимо рационалистическими причинами, оно всегда имеет иррациональную, мистическую основу. Государство действует в греховном мире и потому тесно связано со злом. Но само по себе государство, определяемое свыше, не есть зло, но может им стать, если будет забыта или отвергнута его религиозная основа. «Государство, — подчеркивал Бердяев, — должно быть сильным, но должно знать свои границы» [Санжаревский 2010].

В суждениях героя Иличевского, Леонида Королева, звучит мысль о том, что будущее можно обрести только путем самопознания, познания своего истинного я: *...догадывался, наконец, что будущего не существует потому, что человек перестал себя понимать, не справляется с собой. Что он перестал быть производной коллективной междоусобицы. Что его отняли от пуповины родины* [Иличевский 2008: 144]. Следом герой отмечает, что будущее время должно было состоять не из прошлого, а из выбора прошлого, его осмысления, собранного по точкам создающего отчуждения. *Так пространство состоит не из протяженностей, а из выбора*

окрестностей чувств, его взрывающих творением [Иличевский 2008: 144]. Однако автор убежден, что только *внутренний* бунт поможет обрести гармонию между прошлым и будущим, между личностью и обществом, личностью и окружающим миром: *...бунт внешний ничего не даст. Бунт должен быть внутренним, чтобы мозг засветился. Потому что только тогда у нас появится шанс стать собственными детьми, когда мы решимся стать иными* [Иличевский 2008: 346].

Несмотря на распад советской системы, а следовательно, «выпадение» из привычного уклада жизни, герой всё же пробует найти свой путь дальнейшего развития, свои цели, идеалы. Чтобы лучше себя понять, герой решает подумать вслух. Королев ощущал, что при говорении вслух он начинает иначе мыслить: *Никогда он не разговаривал сам с собой, но сейчас ему очень важно было слышать себя. Собственный голос успокаивал, выводил из цикла бешеных скачков вокруг одной и той же мысли об окончательной утрате жизни. <...> А что, неужели не выберешь? Надо что-то делать, куда-то идти, как-то спастись. Уехать за границу? <...> Но откуда я возьму деньги на билет? А потом — что я там буду делать? Вот так же бомжевать, как я бомжую здесь?* [Иличевский 2008: 335—336]. Герой Иличевского чувствует, осознает, что без родины он жить не сможет: *...кто ты такой без родины? Но очевидно — в Москве оставаться нельзя. Москва место негигиеничное, хотя бы. И потом, что человеку лучше? Место, где спать? Спать всего лучше на земле. Что-нибудь покушать? Земля накормит, если надо будет. Отступить некуда, но за спиной вся прекрасная наша страна — вот в нее мы и отступим, не пропадем. Отсюда вывод: идти надо в землю, собой удобрить ее, по крайней мере...* [Иличевский 2008: 336].

Мир, который сконструирован сознанием главного героя Королева, антитетичен: это лабиринт, человеческий социум, — и странство свободы. Свободы от всего, придуманного и неписано узаконенного человеком. Королев бросает вызов — непублично, без эпатажа, без деклараций — тем нормам, которые сковали человека, его свободу ритмоорганизующими, мифологизированными, как бы раз и навсегда данными ходами-путями-способами проживания. И он из Королева становится *Королем* — в своем царстве: просто на земле, просто среди природы [Шафранская 2008: 38].

Главный персонаж Иличевского приходит к выводу, что мир природы имеет боль-

ше смысла, красоты, значимости, чем мир людей. *Мелькнувшая вначале структура снежинок, безукоризненно строга и чистая, принесенная из многокилометровой вышины, возносила его над городом... туда, где звезды тонули в седой косматой шкуре зверя, задавившего город...* [Иличевский 2008: 7]. *Королев подумал, что неживое приличнее человеческого, что в строгом устройстве крохотного кристалла больше смысла, красоты, чего-то значимого, что объяснило бы ему, ради чего он живет, — чем в прорве людского, переполнившего этот город* [Иличевский 2008: 8].

Королев совершает «великий уход», выбирает альтернативный, асоциальный путь, разновидность эскапизма. Путешествие, которое совершает герой Иличевского, связано с символикой движения как стремлением к Абсолюту, постижением высшего смысла бытия, самосовершенствованием. Для автора важен не сам факт путешествия, а его смысл и цель, духовная наполненность странствий героя. Герой осознает важность «эстетического» пути: только путем «чувственности» можно понять мир. Поэтому персонаж избирает путь странника, чтобы в полной мере почувствовать окружающий мир.

В одном интервью А. Иличевский так объясняет предпочтения героя: *Вообще почвеннические устремления мне более или менее свойственны. Потому, так или иначе, мне симпатична склонность человека к природе, его стремление к растениям и животным, к микромиру. В романе „Матисс“ герой решает, что сейчас в стране Бога больше там, где меньше человека* [Решетников 2010].

Леонид Королев осмысляет себя как личность не только с физической точки зрения, но и с духовной. Автор романа затрагивает тему духовной эволюции героя. Одну из основных задач этой эволюции Иличевский видит в преодолении и освобождении главного героя от внушенных обществом стереотипов массовой культуры: нужно ориентироваться не на общепринятые социальные нормы, а на нормы, установленные Богом, стать отрешенным от человеческих слабостей — гордыни, самолюбия, ненависти, злости, скупости, обмана, враждебности, зависти, высокомерия, лести и других порочных качеств. Таким представляется герой путь интенсивной духовной работы. *Королев вытвердил святого Антония: „Душевные силы тогда бывают крепки, когда ослабевают телесные удовольствия“ — и для входа в бродяжничество начал тренироваться: голодать и бегать* [Иличевский 2008: 247]; *...штудировал „Путешествие*

Иегуды Авитара“... <...> ...Образ Авитара служил Королеву подспорьем, часто единственным. <...> Авитар, в своих прозрениях описывая различные стадии мистического соединения с Богом, внушил Королеву две простые мысли. Первая заключалась в том, что отказ от себя — погружение в „пропасть абсолютной бедности“ растворит личность в Боге. Вторая мысль была не простым усилением первой: поскольку всякая любовь, в том числе и любовь к Богу — эгоистична, то ради истинной любви к Богу следует избавиться от самой любви [Иличевский 2008: 248—250].

По мнению автора, сохранить и развить лучшие духовные качества человека может природа (ландшафт): *...если человека в нашей стране лишит всего, если обрубить, попать все на свете, то ему что останется? Ему останется — ландшафт. И если этот человек сумеет себя, свою душу в этом ландшафте взрастить, то он будет себя замечательно чувствовать и **останется человеком*** [Данилкин 2007]. Королев, мотаясь по городу, часто любил воображать, как *...сидит на берегу реки, солнечные блики греют щеку; гремят, брызгают в траве и щелкочут кузнечики — роса вечерняя напоит дыхание, медовый свет заструится на закате меж соснами, озарив с теневой стороны стволов матово-прозрачную шелуху; ночью лес вскрикнет очнувшейся птицей, — она слетит, спросонья не сразу ухватится за ветку, снова вскрикнет слабее: „А-а-а-а“* [Иличевский 2008: 200—201].

Из всего сказанного напрашиваются выводы: несмотря на крушение основ массового сознания, последовавшее за распадом СССР, герой Иличевского удержался на плаву, нашел в себе основания для жизни, ее осмысленности: *«...В конце романа герой остался жив — это неплохой диагноз нашему поколению»* [ДР 2007]. В сознании Королева и осознании им жизненного пространства главным теперь является не политическое, социальное пространство, а духовное. Как бы достигнув возраста инициации (пусть и запоздало) — периода, когда герой стоит перед выбором пути, — Королев вдруг понял, что хотел бы кочевать, бродить по городам и весям. *Королев ...взял направление на солнце. Прикинув, что суммарное направление зигзагов, которые светило, следуя восходам и закатам, выпишет его телом, — приведет его в **верном направлении**, он уже сточил темп хода. <...> ...Он ринулся дальше — вперед, за клонящимся к горизонту солнцем. За солнцем, впряженным в будущее, за весной, за хмелящим за-*

пахом отогретой земли, теперь врывающимся ему в ноздри [Иличевский 2008: 437—438]. Путь, который избирает Леонид Королев, приведет его к более высоким достижениям духовного развития. *Озаренный... он сидел на лежанке и свободно думал о проблеме осиянности: незримой очеловеченности пейзажа. О том, что по ту сторону все же есть Бог* [Иличевский 2008: 428].

А. Иличевский, будучи свидетелем драматических потрясений, фиксирует в художественном дискурсе травматическую смену эпох, предлагает рецепцию относительно недавних событий на примере судьбы персонажа Королева, который с вызовом, нестандартно распорядился своей биографией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилкин Л. Площадь Иличевского. 2007. URL: <http://www.club366.ru/articles/ilichevskii.shtml>.

2. ДР 2007 = Александр Иличевский стал победителем литературной премии «Русский Буккер» за 2007 год // Домашние ремесла : сайт. URL: <http://www.domaschnie-remesla.ru/dr/newremesla1315.html>.

3. Иличевский А. Матисс : роман. — М. : Время, 2008.

4. Решетников К. После Толстого стыдно писать слабее. 2010. URL: <http://www.vz.ru/culture/2010/7/7/416506.html>.

5. Санжаревский И. И. Бердяев Николай // Политическая наука : словарь-справочник. 2010. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/432/%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%8F%D0%B5%D0%B2>.

6. Шафранская Э. Ф. Роман Александра Иличевского «Матисс» // Русская словесность. 2008. № 4. С. 37—40.

7. Litkritik. Внимательное чтение современной литературы: А. Иличевский. Матисс. URL: <http://litkritik.livejournal.com/555.html>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук Э. Ф. Шафранская